

УДК 340.134

**ДЕФИНИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: СПОСОБЫ ПОСТРОЕНИЯ И ПРАВИЛА
ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ**

© 2009 г.

С.С. Тихонова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

sstikhonova@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.12.2008

Анализируются способы законодательного конструирования дефиниций в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации, рассматриваются разновидности родовидовых дефиниций, а также анализируются известные в отечественной правовой науке подходы к определению оптимального местонахождения дефиниций в рамках нормативно-правового акта – Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: дефиниции, юридико-техническое оформление, уголовное законодательство.

Конструирование *дефиниций* (от лат. *definitio*) в уголовном законодательстве – прием законотворческой техники, выполняющий закрепительно-ограничительную функцию, сущность которого – создание нормативно-ориентирующих определений юридических терминов. Фиксируя в дефинициях уголовно-правовые понятия, законодатель устанавливает тем самым пределы уголовно-правового регулирования. Однако законодательное определение юридического термина не может оставаться неизменным, оно подвержено естественным корректировкам, соответствующим различным этапам развития уголовного законодательства.

Так, например, принципиальным изменением по сравнению с УК РСФСР 1960 года в действующем УК РФ подверглась дефиниция тяжкого преступления. В ч. 1 ст. 7.1 УК РСФСР 1960 года «Понятие тяжкого преступления» указывалось, что «тяжкими преступлениями признаются перечисленные в части второй настоящей статьи умышленные деяния, представляющие повышенную общественную опасность». В ч. 2 ст. 7.1 шел перечень нескольких десятков соответствующих деяний (бандитизм, дезертирство, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, изнасилование, контрабанда, массовые беспорядки, получение взятки, разбой, угон воздушного судна, умышленное убийство и т.д.). По УК РФ 1996 года в связи с введением законодателем четкого критерия деления преступлений на категории по степени тяжести (вид и размер уголовного наказания, предусмотренного Особенной частью УК РФ за совершение соответствующего преступ-

ления) в конструировании перечня тяжких преступлений отпала необходимость. Согласно ч. 4 ст. 15 УК РФ «тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы».

Ярким примером изменения дефиниции, содержащейся в Особенной части, является выделение по УК РФ 1996 года лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, из разряда должностных лиц. Согласно примечанию к ст. 170 УК РСФСР 1960 года «Злоупотребление властью или служебным положением» должностными лицами признавались «лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию». В настоящее время к должностным лицам относятся только лица, выполняющие вышеперечисленные функции «в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации»

(примечание 1 к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями»).

В действующем УК РФ дефиниции располагаются непосредственно в статьях Общей или Особенной части либо в примечаниях к статьям Особенной части. Законодательное конструирование дефиниции при каждом употреблении одного и того же юридического термина в тексте УК РФ привело бы к его чрезмерному загромождению. Поэтому вопрос об оптимальном определении местонахождения дефиниции – один из важных юридико-технических вопросов.

В последние годы в отечественной теории права получила распространение позиция о целесообразности расположения дефиниций в первой главе нормативно-правового акта [1–2]. Данная позиция – заимствование юридико-технического приема определения местоположения дефиниций, принятого в странах общего права. Однако «практика показывает, что подобный способ размещения в законе специальных терминов и определений существенно затрудняет его толкование и применение. Приходится постоянно обращаться к началу текста закона, что значительно осложняет работу с ним, если он достаточно велик по объему. Особенно неудачным представляется такой способ размещения основных понятий в законах с социальной направленностью, предназначенных не столько профессионалам, сколько массовому адресату, т.е. гражданам и организациям» [3]. Несмотря на вышеуказанные недостатки использования способа концентрированного изложения дефиниций в нормативно-правовом акте представители уголовно-правовой науки также нередко высказывают предложения по конструированию в УК РФ специальной рубрики с соответствующим названием («Вводные замечания», «Понятийный аппарат» или «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе»), в рамках которой объединялись бы все определения юридических терминов, употребляющихся в тексте УК РФ [4–8].

Реализация подобных предложений позволила бы освободиться от примечаний к статьям Особенной части УК РФ, содержащих дефиниции, т.е. упростила бы ее форму и содержание. Однако возникает конкретная проблема выбора уровня рубрики-гlossария (статья, глава или даже раздел), а также определения ее местонахождения в системе УК РФ с учетом современной композиции его Общей и Особенной части.

Обращаясь к опыту зарубежных стран, следует отметить, что какого-либо единообразия в

вопросе о виде и местонахождении рубрики-гlossария в системе кодифицированного уголовного законодательства не наблюдается. Так, например, в УК Польши – это глава 15 Общей части «Разъяснение понятий, употребляемых в законе», в УК Республики Узбекистан – это глава 8 Особенной части «Правовое значение терминов». В УК Украины в начале главы 7 встречается статья «Определение понятий, употребляемых в статьях настоящей главы», в УК ФРГ в Общей части встречается глава «Объяснение терминов» и т.д.

Очевидно, чтобы вместить многочисленные дефиниции юридических терминов, рассредоточенные в настоящее время по тексту УК РФ, вводимая рубрика-гlossарий должна быть весьма объемной. И обязательный вопрос, который возникнет при ее конструировании, – вопрос о последовательности дефиниций. Существует два способа определения данной последовательности: алфавитный порядок юридических терминов или их группировка сообразно уголовно-правовым институтам. К слову сказать, еще Ф. Бэкон утверждал, что никогда не следует располагать термины в алфавитном порядке, а лучше всего распределять весь материал так, чтобы термины, относящиеся к одному предмету, были помещены рядом, взаимно помогая пониманию каждого из них. Но как быть с юридическими терминами, значение которых индивидуально определяется для каждой главы УК РФ (например, дефиниции крупного размера или ущерба)? Одновременно указывать их в нескольких значениях, помещая соответствующие оговорки относительно их применимости в конкретном значении? Подобной проблемы можно избежать, если, пользуясь предложением ряда авторов, не вводить единую рубрику-гlossарий, а отражать понятийный аппарат главы в специальной статье в начале каждой главы УК РФ [9–10]. Однако при реализации данного предложения возникнет другой вопрос: где помещать дефиниции юридических терминов «сквозного» содержания, используемых законодателем на протяжении всего текста УК РФ?

Как видно, концентрированное изложение дефиниций влечет возникновение массы юридико-технических проблем, требующих продуманного решения. Еще не пришло время отказываться от использования в УК РФ общего юридико-технического правила определения местонахождения дефиниций в нормативно-правовом акте, согласно которому *дефиниция должна конструироваться при первом употреблении юридического термина*. Правда, дан-

ное правило обусловлено логикой предположительного последовательного единовременного прочтения правоприменителем текста нормативно-правового акта сообразно нумерации его структурных составляющих. Но «есть свои технические приемы у закона малой фрагментарной формы и у сложного нормативного акта, обладающего большой формой» [11]. Для объемных нормативно-правовых актов, каким является УК РФ, прочтение которых в один прием и затруднительно и нецелесообразно, допустимы исключения: *для облегчения процедуры нахождения дефиниции она может быть помещена в месте, обусловленном логическим ходом развития нормативно-правовых предписаний.*

Так, например, дефиниция жилища (примечание к ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища») и хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ «Кража») помещены в УК РФ при первом употреблении соответствующих юридических терминов. Однако при конструировании дефиниции наказания законодатель обоснованно избрал ее местом главу 9 УК РФ «Понятие и цели наказания. Виды наказаний», несмотря на то, что сам юридический термин «наказание» использовался законодателем, начиная с главы 1 УК РФ «Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации».

Освещение вопроса об определении оптимального местонахождения дефиниций в тексте УК РФ было бы неполным без позиции В.Ю. Туралина относительно целесообразности построения в нормативно-правовых актах *постранично-ссылочной системы дефиниций*, когда законодательное определение помещается не в самом тексте закона, а с помощью ссылки на соответствующей странице. Однако подобное нестандартное перераспределение текста применительно к УК РФ способно привести к недопониманию юридической силы уголовно-правовых предписаний, содержащихся в ссылках. Кроме того, по собственному признанию автора рассматриваемого предложения, среди опрошенных практических работников в поддержку данного инновационного решения высказываются не более 2% опрошенных.

Дефиниции, содержащиеся в тексте уголовного закона, должны быть внутренне связаны между собой и с иными уголовно-правовыми предписаниями.

Однако, например, дефиниция попытки в примечании к ст. 117 УК РФ «Истязание» не согласуется ни с иными положениями Общей части УК РФ, ни с иными положениями Особенной части УК РФ. Попыткой законодатель именует «причинение физических или нравственных

страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях». Первым недостатком данной дефиниции является использование законодателем при определении признаков попытки юридического термина «наказание». Согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания» наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Согласно ч. 2 ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма» наказание, как и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Причинение таких страданий выходит за пределы правовых ограничений, накладываемых на виновного при реализации соответствующих мер государственного принуждения и не может считаться составной частью наказания. Очевидно логическое противоречие. Если же считать, что слово «наказание» употреблено в определении попытки не в специально юридическом, а в общеупотребительном значении, это также не оправдывает законодателя, поскольку употребление одного и того же термина для выражения различных понятий является нарушением первого логического закона – закона тождества – при конструировании уголовно-правовых предписаний. Вторым недостатком дефиниции попытки является ее несогласованность с положениями ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний». В данной статье наряду с попыткой законодателем указываются такие способы принуждения лиц к даче показаний, как угрозы (ч. 1) и насилие (ч. 2). Однако и угрозы и насилие являются разновидностью причинения лицу физических или нравственных страданий, отражающих сущность попытки как негативного социального явления, которому законодатель пытался дать определение в примечании к ст. 117 УК РФ.

Анализ данного примера показывает, что качество дефиниции легко проверить путем ее «подстановки» в текст УК РФ, где использован соответствующий юридический термин. Так, очевидна погрешность не только дефиниции попытки, но и дефиниций эксплуатации человека (примечание 2 к ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми»), других механических транспортных средств (примечание к ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуата-

ции транспортных средств») и т.д. В ряде случаев подобная проверка выявляет наличие в дефинициях «круга» – логической ошибки, именуемой «тождественной истинностью» [12]. Сущность данной ошибки – использование при определении какого-либо юридического термина другого юридического термина, который, в свою очередь, определяется при помощи первого. Подобным недостатком обладают дефиниции должностного лица (примечание 1 к ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями») и представителя власти (примечание к ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»). В этой связи следует приветствовать предложение Т.В. Кондрашовой по исправлению соответствующей ошибки за счет указания в определении представителя власти на особенности функций данного лица.

В правовой литературе нередко отмечается, что дефиниция должна давать краткое определение юридического термина [13–14]. Действительно, в содержание определения не следует включать несущественные признаки, чтобы оно не было загромождено. Однако представляется, что требование краткости не является преобладающим. Главное – чтобы дефиниция была построена по классической модели, чем обеспечивалось бы единообразие в понимании и применении уголовно-правовых предписаний.

Классический способ построения дефиниции (абстрактный) предполагает использование логического правила «через ближайший род и видовое отличие», где родовый признак – это качества, присущие ряду родственных объектов, а видовой признак – это качества, присущие только данному определяемому объекту. Отсюда и наименование соответствующих дефиниций – родовидовые.

Наглядным примером построения дефиниций по классическому образцу являются дефиниции групповых форм соучастия в преступлении, законодательно закрепленные в ст. 35 УК РФ «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)». Так, родовый признак в дефиниции группы лиц (ч. 1) – совместное участие двух или более исполнителей в совершении преступления, видовой – отсутствие предварительного сговора. В дефиниции группы лиц по предварительному сговору (ч. 2) родовый признак тот же, а видовой – наличие договоренности заранее о совместном совершении преступления. В дефиниции организованной группы (ч. 3) родовый признак со-

ответствует родовому и видовому признакам группы лиц по предварительному сговору, но наличествует новый видовой признак – устойчивость. В дефиниции преступного сообщества (преступной организации) (ч. 4) родовый признак соответствует родовому и видовому признакам организованной группы, но наличествуют два новых альтернативных видовых признака – сплоченность и направленность на совершение тяжких или особо тяжких преступлений (1); множественность (2). Правда, следует отметить, что в уголовно-правовой литературе отмечается отсутствие четкости и однозначности в формулировке видовых признаков преступного сообщества (преступной организации), что затрудняет правильную квалификацию деятельности соучастников на практике, в связи с чем предлагаются различные варианты их корректировки [15–16], один из которых – использование дефиниции преступного сообщества, закрепленной в Модельном уголовном кодексе стран СНГ. Не следует забывать: «только четко сформулированная дефиниция даст возможность определить основные признаки изучаемого явления в целом и таким образом раскрыть его конкретные сущностные характеристики» [17]. Отсутствие четкости в формулировке дефиниции – показатель *коррупциогенности* законодательства.

При построении дефиниции с использованием классического способа следует помнить и о законе обратного отношения между объемом и содержанием определяемого понятия: увеличение содержания понятия (т.е. конструирование определения с большим количеством видовых признаков) ведет к образованию понятия с меньшим объемом. В зависимости от того, что представляет собой видовой признак, дефиниции делятся на следующие разновидности.

Предметная дефиниция – дефиниция, в которой видовой признак указывает на сущность, содержание определяемого объекта. Например, дефиниция несовершеннолетнего (ч. 1 ст. 87 УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних»), где родовый признак – лицо, а видовой – его возрастные параметры; дефиниция кражи (ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража»), где родовый признак – хищение, а видовой – тайность его совершения.

Функциональная (операциональная) дефиниция – дефиниция, в которой видовой признак указывает на функцию (операцию), выполняемую определяемым объектом. Например, дефиниция соучастников (ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления»), где родовый признак – участие в совершении преступления, а

видовой – выполняемая исполнителем, организатором, подстрекателем и пособником функция; дефиниция экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества»), где родовый признак – организованная группа, а видовой – деятельность в виде подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. Следует отметить, что в отечественной уголовно-правовой науке известно предложение о дополнительном включении в текст УК РФ функциональной дефиниции экстремистской деятельности, родовым признаком которой явилось бы указание на насильственный, противоправный характер соответствующей деятельности, а видовым – направленность «на причинение вреда жизни и здоровью человека, дестабилизацию и разрушение общественных и социальных структур и институтов, подавление прогрессивных общественных движений, уничтожение демократии» [18]. Однако очевидна перенасыщенность данной дефиниции оценочными понятиями, в связи с чем представляется целесообразным воздержаться от подобного конструирования.

Номинальная дефиниция – дефиниция, в которой видовой признак указывает на количественное соотношение определяемого объекта с иным, содержит определенные цифровые показатели. Именно данный вид имеют многочисленные дефиниции крупного размера, ущерба, дохода, задолженности в примечаниях к ст. 146, 158, 169, 185, 193 УК РФ и т.д.

Отсутствие в формулировке дефиниции видового признака влечет признание ее неполной, а следовательно, ненадлежащей.

Так, например, к разряду ненадлежащих относится дефиниция наказания, отсутствовавшая в УК РСФСР 1960 года и представленная в настоящее время в ч. 1 ст. 43 УК РФ «Понятие и цели наказания». Первый недостаток данной дефиниции – отступление законодателем от стандартной схемы формулировки дефиниций: определяемый юридический термин – логическая связка «есть», «то есть», «понимается», «признается» – законодательное определение. Дефиниция наказания фактически разбита на два самостоятельных предложения. «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». Второй недостаток данной дефиниции – указание законодателем лишь родовых признаков определяемого уголовно-правового явления –

качеств, присущих не только наказанию, но и иным мерам уголовно-правового воздействия. Как наказание, так и принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера и конфискация имущества являются мерами государственного принуждения, могут быть в определенных УК РФ случаях назначены по приговору суда, применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключаются в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Видовой признак наказания, т.е. качество, присущее только данной мере государственного принуждения, – судимость – законодателем упущен. Предлагающееся в отечественной уголовно-правовой науке изменение дефиниции наказания за счет введения иного родового признака – «форма государственного осуждения преступления и лица, его совершившего» [19], не исправит качество данной дефиниции с точки зрения ее полноты, т.к. обладает аналогичным недостатком – отсутствие видового признака. В этой связи следует отметить существующую в науке позицию, согласно которой любое из предлагающихся определений уголовного наказания будет уязвимо для критики, поскольку нельзя дать его определения, пригодного во всех контекстах [20].

Еще один пример – дефиниция исключительных обстоятельств (ч. 2 ст. 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление»). При конструировании данной дефиниции отечественный законодатель опять-таки нарушил стандартную схему ее формулировки, используя странную логическую связку «могут быть признаны», а также указал лишь родовую принадлежность исключительных обстоятельств к смягчающим, упустив их видовое отличие. Справедливости ради, следует отметить, что и в науке не предложена надлежащая формулировка соответствующего видового признака. Предлагаемые определения исключительных обстоятельств («существенно и экстраординарно снижающие степень общественной опасности личности виновного или совершенного им деяния» [21]; «достаточно значимые для выбора вида и размера наказания» [22] и т.п.) грешат излишней расплывчатостью.

Вторым способом построения дефиниций является использование законодателем *казуального (открытого) перечня*. В строго логическом смысле казуальные перечни определениями не являются – они просто используются вместо определений, так как в определенной степени раскрывают содержание юридического терми-

на. Недостатком их использования является приблизительность перечня, продолжение которого относится на усмотрение правоприменителя, что влечет возможность принятия им субъективного решения по смысловому наполнению юридического термина. Дефиниции данного вида порождают расхождение в правоприменительной практике, поскольку «правоприменитель детализирует их самостоятельно в границах конкретного правоотношения» [23], что отнюдь не способствует определению четких границ уголовно-правового регулирования.

Однако построение казуальных перечней в УК РФ имеет и сторонников, которые признают его более удобным в практическом отношении, поскольку он позволяет без особого труда применять правовые нормы к фактическим отношениям [24]. Так, в отечественной уголовно-правовой науке высказано предложение о целесообразности замены функциональной дефиниции пособия на казуальный перечень, «завершив определение понятия пособия общим указанием на иные способы содействия совершению преступления» [25]. Целесообразность данного предложения вызывает сомнения. Следует помнить о том, что «отказ от точных формулировок и определений – как научных, так и законодательных – был, есть и будет всегда во благо «управляемой юриспруденции», в облегчение забот о гарантиях законности не только в правосудии, но и государственной жизни вообще» [26]. В этой связи представляется целесообразным сокращение казуальных перечней в уголовном законодательстве в перспективе, трансформация дефиниций, построенных с их использованием (лишения права заниматься определенной деятельностью в ч. 1 ст. 47 УК РФ «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью»; ограничения досуга в ч. 4 ст. 91 УК РФ «Содержание принудительных мер воспитательного воздействия»; эксплуатации человека в примечании 2 к ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми»; вымогательства в ч. 1 ст. 163 УК РФ «Вымогательство»; вандализма в ч. 1 ст. 214 УК РФ «Вандализм»; другого механического транспортного средства в примечании к ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»; государственной измены в ст. 275 УК РФ «Государственная измена» и т.д.), в родовые.

Список литературы

1. Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник. М.: ЭКСМО, 2007. С. 121, 174.

2. Пишина С.Г. Правоинтерпретационные ошибки: проблемы теории и практики: Автореф. дис... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2000. С. 23.

3. Рабец А.М. Проблемы законодательного закрепления юридических дефиниций // Законодательская техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей. Т. 1 / Отв.ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2001. С. 237.

4. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 128.

5. Лопашенко Н.А. Парадоксы и проблемы законодательной регламентации принципов уголовного права и пути их преодоления // Уголовно-правовые, пенитенциарные принципы и их реализация: правотворческий, правоприменительный уровни. Ч. 1: Докл. научно-практ. конф., Саратов, 28–29 марта 2005 г. Саратов: СГАП, 2005. С. 65.

6. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): Автореф. дис... д-ра юр. наук. Саратов, 2006. С. 41.

7. Панько К.К. Техничко-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законодательская техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей. Т. 2 / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2001. С. 299.

8. Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М., 1997. С. 46.

9. Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник МГУ. Серия 11. «Право». 1996. № 5. С. 18.

10. Лопашенко Н.А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» (с пояснительной запиской) // Налоговые и иные экономические преступления: Сб. статей. 2000. Вып. 1. С. 18.

11. Ушаков А.А. Законодательная техника // Уч. зап. Пермск. ун-та. 1970. № 238. С. 226.

12. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М.: Юристъ, 1998. С. 51.

13. Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники: Сб. статей / Отв. ред. В.М. Баранов. Н. Новгород: НА МВД России, 2000. С. 301.

14. Панько К.К. Методология и теория законодательной техники уголовного права России: Монография. Воронеж, 2004. С. 141.

15. Васильченко А.А., Шишкин В.С. Вопросы разграничения уголовно-правовых форм организованной преступности // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / Отв. ред. А.И. Долгова. М.: РКА, 2005. С. 117, 122.

16. Комиссаров В.С. Преступления, нарушающие общие правила безопасности: понятие, система, общая характеристика: Автореф. дис... д-ра юр. наук. М., 1997. С. 24–25.

17. Маршакова Н.Н. Систематизация и классификация в уголовном законодательстве: теоретико-прикладные аспекты: Учебное пособие. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2007. С. 29.
18. Жилкин М.Г. Уголовно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: РКА, 2008. С. 42.
19. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. 1997. № 11. С. 61–68.
20. Dressler J. Understanding criminal law. N.-Y., 1994. P. 3–4.
21. Степашин В.М. Смягчение наказания по Уголовному кодексу России: Автореф. дис... канд. юр. наук. Омск, 2000. С. 20.
22. Кругликов Л.Л. О критериях назначения уголовного наказания // Сов. государство и право. 1988. № 8. С. 60–62.
23. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия как инструмент судебного регулирования гражданских правоотношений // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 179.
24. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М., 1982. С. 283.
25. Панченко П.Н., Быкадорова Л.В. Уголовный кодекс Российской Федерации как новое достижение законодательной техники и как предмет критического внимания // Вестник ННГУ. Серия «Право». 2000. № 1 (2). С. 272.
26. Беляев В.Г. Применение уголовного закона. Волгоград, 1998. С. 50.

DEFINITIONS IN THE CURRENT CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

S.S. Tikhonova

Methods for designing legislative definitions in the current criminal legislation of the Russian Federation are analyzed. Varieties of generic and specific definitions as well as existing approaches to the determination of an optimal location of definitions within the framework of the regulatory legal act – the Criminal Code of the Russian Federation, are examined.

Keywords: definitions, legislative technologies, criminal legislation.